

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ СЕМИОТИКИ РИСКА

В. К. ЩЕРБИН¹⁾¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается структура взаимосвязи между обществом и присущими ему рисками, основными составляющими которой являются накопленный обществом опыт предсказания и купирования рисков, непрерывное усложнение современного общества и порождаемые в связи с этим новые социальные риски. Анализируются причины формирования указанных составляющих, позитивные и негативные результаты их использования обществом. Описываются реакции управленцев и ученых на существующие социальные риски. Важнейшим отличием данных реакций является диаметрально противоположное отношение управленцев и ученых к феномену редукционизма при решении сложных общественных проблем. Определяется роль междисциплинарных областей научных исследований – синергетики, системологии, общего социального анализа, науковедения и др. – в решении проблем, связанных с социальными рисками. Предложенная А. Г. Теслиновым классификация существующих миров (материальный, социальный, мир идей и мир знаков) соотносится с традиционными дисциплинарными классификациями. Устанавливается место нового научного направления (семиотики риска) в системе существующих наук о рисках, а также среди других искусственных семиотик. Обосновывается вывод о необходимости взаимосвязанного развития социальной семиотики и семиотики риска.

Ключевые слова: структура взаимосвязи между обществом и присущими ему рисками; природные опасности; социальные риски; система наук о рисках; знаки и знаковые системы; система искусственных семиотик; социальная семиотика; семиотика риска.

SOCIAL ORIGINS OF RISK SEMIOTICS

V. K. SHCHERBIN^a^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article examines the structure of the inter-relationship between society and its inherent risks, the main components of which are society's accumulated experience in predicting and mitigating risks, the continuous complication of modern society and the new social risks it generates. The reasons for the formation of these components, the positive and negative results of their use by society are analyzed. The reactions of managers and scientists to existing social risks are described. The main difference between these reactions is the diametrically opposite attitude of managers and scientists to the phenomenon of reductionism in solving complex social problems. The article defines the role of interdisciplinary research areas (synergetics, systemology, the combined social analysis, science of science, etc.) in solving problems related to social risks. The proposed by A. G. Teslinov's classification of existing worlds (the material world, the world of ideas, the social world and the world of signs) correlates with traditional disciplinary classifications. The place of a new scientific direction (risk semiotics) in the system of existing risk sciences, as well as among other artificial semiotics is established. The conclusion about the need for interrelated development of social semiotics and risk semiotics is substantiated.

Keywords: structure of inter-relationship between society and its inherent risks; natural hazards; social risks; system of risk sciences; signs and systems of signs; system of artificial semiotics; social semiotics; risk semiotics.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Социальные истоки семиотики риска. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020;4:29–38.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-29-38>

For citation:

Shcherbin VK. Social origins of risk semiotics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:29–38. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-29-38>

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

Введение

На страницах данного журнала автору уже доводилось писать об ускоренном формировании в разных странах буквально десятков новых типов обществ, наиболее характерной чертой которых «является исключительно высокая роль в их жизни многочисленных экономических, политических, экологических, социальных, инновационных, научно-технических, образовательных и прочих рисков, угроз, ошибок, опасностей, вызовов, ущербов, кризисов, дисбалансов, провалов, потерь, препятствий, неопределенностей, неудач, социальных нестроений (беспорядков), структурных диспропор-

ций, дисфункций и иных малоприятных явлений» [1, с. 20]. Наличие подобной взаимосвязи у отличающихся между собой новых типов обществ, с одной стороны, и многочисленными рискогенными явлениями, перечисленными выше, с другой, дало основания У. Беку, автору монографии «Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию», сделать обоснованный вывод о том, что «общество возникает в борьбе с опасностями; в борьбе с глобальными опасностями создается глобальное общество; но не только это дает повод говорить о мировом обществе риска» [2, с. 74].

Структура взаимосвязи между обществом и присущими ему рисками

Сегодня отмеченная выше взаимосвязь между обществом и присущими ему рисками имеет намного более сложную структуру. Одной из ключевых составляющих этой взаимосвязи является **накопленный обществом опыт предсказания и купирования рисков**. Как справедливо заметил О. Яницкий, «человечество издревле училось предсказывать и купировать риски» [3, с. 19]. Именно накопленное обществом знание о существующих рисках и опасностях формирует у каждого представителя данного общества биологическую готовность адекватно реагировать на ту или иную опасность. Эта готовность конкретного индивида позволяет ему «использовать чужие знания об опасности в тех случаях, когда их получение на собственном опыте может привести к летальному исходу. Подготовленный объект (или ситуация) – это такой объект, который представлял опасность на протяжении человеческой истории (например, змеи, пауки или темнота). Если ребенок наблюдает, как кто-то другой проявляет страх перед таким объектом, то для выработки этого вида страха часто достаточно столкнуться с этим объектом один раз. Например, у многих видов животных страх перед ядовитыми змеями не является врожденным, но страх перед ними вырабатывается при наблюдении за тем, как подобный страх проявляет другой человек» [4, с. 299].

Использование накопленного обществом опыта предсказания и купирования рисков имеет как позитивные, так и негативные стороны. К числу позитивных можно отнести следующие результаты использования указанного опыта:

1) «социальное копирование страха (т. е. неосознанное использование индивидами. – В. Ш.) психологического принципа “бояться всего, чего боится твоя социальная группа”, позволяет нам узнавать о всех опасностях, не подвергая им себя» [4, с. 310–311];

2) учет накопленного обществом опыта предсказания и купирования рисков способствует формированию позитивной культуры ошибок, которая

приходит на смену негативной культуре таких ошибок: «Культура ошибок... характеризует отношение индивида или учреждения к ошибкам. Позитивная культура ошибок признает ошибки» в целях «изучения их причин и создания более безопасной среды. Негативная культура ошибок скрывает ошибки, чтобы защитить себя, выдвигает обвинения вместо того, чтобы устранять причины, и обычно повторяет те же ошибки в будущем» [4, с. 305].

К числу негативных результатов использования указанного опыта можно отнести следующие:

1) накопленное социальное знание об опасностях, рисках и угрозах делает менее жизненно необходимым для современного человека аналогичное знание, накопленное им лично. По этой причине, как считает израильский историк Ю. Харари, «древний человек обладал гораздо более подробными, разнообразными и глубокими знаниями о своей среде обитания, чем ныне его потомки. Большинство граждан индустриальных стран прекрасно выживают в невежестве. Много ли нужно знать о природе, чтобы стать компьютерщиком, страховым агентом, преподавателем истории или рабочим на фабрике? Мы должны всерьез разбираться в собственной узкой специализации, но в большинстве вопросов – жизненно-насущных – мы слепо полагаемся на помощь других специалистов, знания каждого из которых ограничены такими же шорами. В совокупности коллектив людей накопил сегодня гораздо больше информации, чем было у древних родов и племен, однако на индивидуальном уровне древние собиратели и охотники заслуживают звания самых эрудированных и умелых людей в истории. <...> Выживание в древности требовало величайшего интеллекта. С появлением сельского хозяйства и промышленности образовались и ниши, где могли приткнуться “дурачки”. Появилась возможность выжить, трудясь, например, водоносом или на конвейере, и передать другим свои “глупые” гены» [5, с. 62]. Для сравнения: «Охотники и собиратели... различали самые тихие шорохи – не ползет

ли в траве змея. Сквозь густую листву деревьев их зоркий взгляд различал плоды, птичьи и пчелиные гнезда. Сами люди передвигались бесшумно и экономно, они умели сидеть, ходить и бегать так, чтобы тратить минимум сил с максимальной отдачей. Живя в постоянном движении, они становились крепкими, словно марафонцы, и приобретали такую гибкость, о какой современный человек не может и мечтать. Даже после многолетних занятий йогой или кунг-фу» [5, с. 63];

2) уменьшение объема лично накопленного каждым индивидом знания о современных ему опасностях, рисках и угрозах приводит к снижению общей рискованной грамотности современного общества. Как справедливо заметил Г. Гигеренцер, «проблема заключается не в том, что отдельные люди глупы или безграмотны, а в том, что общество в целом безграмотно по отношению к рискам. <...> Рисковая грамотность – это базовое знание, необходимое для выживания в современном технологическом обществе. В XXI веке, когда технические инновации появляются с головокружительной быстротой, рискованная грамотность становится столь же важной, как умение читать и писать в предыдущие века. Если вы ею не владеете, вы не только можете оказаться во власти необоснованных страхов или надежд, но и поставите под угрозу и свое здоровье, и свои деньги. Возможно, кто-то решит, что основам рискованной грамотности и так уже достаточно обучают. Однако вы будете тщетно искать эту дисциплину в учебных планах большинства технических, юридических, медицинских и прочих учебных заведений. В результате большинство людей остается безграмотным в этой области» [4, с. 10].

Более того, ситуация с рискованной грамотностью современного общества с каждым годом постоянно ухудшается в силу ускоренного формирования другой составляющей взаимосвязи между обществом и присущими ему рисками – **непрерывного усложнения современного общества и порождаемых им новых социальных рисков**. В основе процесса формирования указанной составляющей лежат достаточно объективные причины, к числу которых можно отнести следующие:

1) создание сложных социальных структур, обусловленное необходимостью обуздания агрессивной природы человека. Как свидетельствует Юваль Харари, «многие антропологические и археологические исследования указывают, что в простых аграрных обществах, где еще не имелось социальных структур выше деревни и племени, насилие было причиной примерно 15 % всех смертей (25 % смертей среди мужского населения). У земледельческого племени дани на Новой Гвинее насильственная смерть уносит 30 % мужчин. У другого племени, энга, – до 35 %. В Эквадоре вероятность насильственной смерти для мужчины из племени узорани составляет 60 %. По-

степенно с хищной природой человека удалось отчасти совладать, выстроив более сложные социальные структуры: города, царства, империи. Но на создание эффективных социальных и политических структур ушли тысячелетия» [5, с. 101];

2) технологизация современного общества, усиливающая социальное неравенство. По мнению В. Оноприенко, «по мере развития общества, основанного на высоких технологиях, возрастает риск исключения из социальной жизни многих слоев населения. Прежде всего это малообеспеченные граждане, которые просто не могут позволить себе получить качественное образование, приобрести новую цифровую технику и работать в компьютерных сетях. Вместе с тем существует и такая проблема, как нежелание или неумение пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями, требующими от потребителя новых качеств – высокого уровня абстрактного мышления, готовности к постоянному повышению образования» [6, с. 85]. Сходную мысль высказывает также итальянский исследователь Э. Руллани: «Индивиды, фирмы и целые регионы не застрахованы от ошибок, когда они пытаются сориентироваться в сложных ситуациях, в которых сохранение стоимости их собственного ресурса не гарантируется. Преследуя цель минимизировать риск, они сокращают инвестиции в новые знания и таким образом сталкивают сами себя на обочину процесса социального обучения и производства стоимости» [7, с. 69];

3) стремительное усложнение современной технологической цивилизации (хоррификация): «Сейчас по всей Америке стремительно проходит процесс хоррификации самых обычных предметов и орудий цивилизации, их превращение в источник ужаса. И чем больше цивилизации здесь и сейчас, тем она опаснее. Нью-Йорк и Вашингтон опаснее, чем маленькие городки Среднего Запада. Бурлящие стадионы, многолюдные моллы, аэропорты, вокзалы опаснее, чем тихие полудеревенские пригороды. Цивилизация становится особенно грозной в местах своего скопления. Цивилизация определяется проникаемостью своих коммуникативных сетей, своей прозрачностью, подвижностью, транспортабельностью, в ней все связано со всем. А значит, и запущенные в нее частицы заразы скорее растворяются в жилах столь совершенного организма. Кто, из каких мест и с какой целью рассылает бактерии сибирской язвы – остается все еще неизвестным после усилий целой армии лучших сыщиков, а почему? Потому, что такая неуследимость, свобода входов и выходов встроена в саму структуру цивилизации, которая озабочена тем, чтобы быть эффективной и проницаемой, пересылать каждый день 700 миллионов почтовых отправок (только в США)» [8, с. 766–767]. Появилась даже новая научная дисциплина (хорро-

рология), специализирующаяся на изучении ужасов и ловушек современной цивилизации: «...хоррорология (*horrorology*) – наука об ужасах цивилизации как системе ловушек и о человечестве как заложнике сотворенной им цивилизации. Термин “хоррорология”, конечно, ужасен, но не более, чем обозначаемый предмет, а значит, по-своему точен. <...> Хоррорология – наука о саморазрушительных механизмах цивилизации, которые делают ее уязвимой для всех видов терроризма, включая биологический и компьютерный. Хоррорология – теневая наука о цивилизации, это минус-история, минус-культура, минус-политология. Все, что другие науки изучают как позитивные свойства и структурные признаки цивилизации, хоррорология изучает как растущую возможность ее самодеструкции, самовывчитания» [8, с. 766];

4) вступление современной человеческой цивилизации в эпоху кардинальных перемен. Вот как об этом писал российско-белорусский философ академик РАН В. С. Стёпин:

«Сегодня цивилизация вошла в эпоху новых радикальных перемен. Эти перемены охватывают все основные сферы социальной жизни. Причем, в отличие от предыдущих эпох, они протекают в ускоряющемся темпе. Мир меняется буквально на наших глазах. Информационные технологии изменили социальную жизнь вплоть до политики, которая сейчас не может обойтись без того, чтобы не отреагировать на Интернет и другие социальные процессы, порожденные внедрением новых информационных технологий...

Социальные перемены происходят в глобальном масштабе. В процессе этих изменений усложняется структура общества. Возникают новые социальные институты и типы социальных взаимодействий.

Глобализация по-новому организует взаимовлияние различных обществ и культур. Все эти процессы протекают на фоне обостряющихся глобальных кризисов, которые изначально придали рискам невиданные ранее масштабы негативных последствий для всего человечества» [9, с. 26–27].

Реакция политиков и ученых на социальные риски

На перечисленные выше объективные причины непрерывного усложнения современного общества и порождаемых им новых социальных рисков представители мировой управленческой элиты и мирового научного сообщества реагируют по-разному. Управленцы, к примеру, демонстрируют склонность к редукции (упрощению) сложных общественных проблем и к ручному управлению сложными социально-экономическими механизмами. Подобная редукционистская традиция решения указанных проблем сложилась еще несколько столетий назад. По свидетельству американского философа А. Лавджоя, «деятели Просвещения семнадцатого и восемнадцатого столетий... отличались явно выраженной склонностью к простым решениям» [10, с. 13]. К сожалению, указанная редукционистская традиция решения сложных проблем имеет свое продолжение и в управленческой практике XX в. В 1989 г. газетой «Правда» был опубликован дневник украинского кинорежиссера А. Довженко, в котором были зафиксированы следующие наблюдения автора: «Я заметил, что характерной чертой тупых людей, занимающих иногда ответственные должности, является умение быстро принимать кардинальные решения по всякому вопросу. Тут актом действия компенсируется пустота. Это есть твердость. Отсюда до гибкости большая дистанция» [11, с. 4].

Под влияние указанной редукционистской традиции решения сложных проблем порой попадают и представители науки. Ярким примером этого может служить монография доктора технических наук А. И. Добролюбова «Государственная власть как техническая система: о трех великих социальных

изобретениях человечества», в которой осуществлена попытка описать тайны «технологии власти», а «создание в будущем глобального надгосударственного органа управления» представлена автором в качестве «третьего социального изобретения человечества» [12, с. 203] (наряду с иерархической структурой общества и государства, а также периодической обновляемостью вершины пирамиды власти, которые выделены как первые два социальных изобретения [12, с. 156–158]).

В этом редукционистском контексте не вызывает особого удивления тот факт, что «даже сам риск рассматривается часто как особая «социальная технология», которая служит преодолению опасностей. В самой реальности нет никаких рисков. Риск – чисто социальный конструкт; все, что угодно, может быть рассмотрено с точки зрения риска. В нашей современной жизни все больше и больше решений каждого принимается в форме взвешивания рисков. Однако ожидание от таких социальных технологий того, что они способны сделать технологические опасности и катастрофы точно калькулируемыми, принципиально неверно. Они предполагают широкий диалог создателей техники, ее потребителей, государственных структур и общественности, экспертов и тех, кого штатное или нештатное функционирование затрагивает или может затронуть в сложном процессе общественного взаимного обучения всех участвующих в нем сторон, формирования их коллективного взаимопонимания. Социальные технологии обращения с технологическими рисками направлены на преодоление неопределенности будущей эксплуатации новой техники с помощью учета опасностей от внедрения инноваций» [13, с. 133].

Более того, существующие риски и угрозы нередко используются в политических целях. По мнению российского политолога О. А. Толпыгиной, «активное использование рисков и угроз в политике объясняется и многими другими инструментальными возможностями, которыми они обладают. Например, это эффективное средство упрощения социальной реальности, ее сведения к наглядным и эмоциональным формулам. <...> Таким образом, риски и угрозы как социальные конструкты являются эффективным политическим инструментом» [14, с. 121]. Однако рисками и угрозами инструментарий, используемый в социально-экономической сфере, не ограничивается. Как показало изучение деятельности международных экономических убийц, проведенное Дж. Перкинсом, «их инструменты – это фальсифицированные финансовые отчеты, сфабрикованные выборы, взятки, вымогательство, секс и убийство» [15, с. 13]. Именно эти древнейшие и максимально упрощенные подходы являются основой так называемого ликвидкома (термин предложен С. Е. Кургиняном и обозначает форму господства над объектом, которое покупается ценой разрушения этого объекта).

По мнению С. Е. Кургиняна, «борьба с ликвидкомом начинается с протеста против “редукционизма”. Вышеописанный “фарш” (социум, пропущенный через мясорубку двух социальных машин – комфорта и страха. – В. Ш.)... вообще не замечает этой прогрессирующей редукции. Он просто прогрессирующе тупеет вместе с прогрессирующей редукцией (притом, что в воронку редукции втягиваются все новые и новые системы – не только СМИ, но и система публичных партийных и гражданских дискуссий, научных обсуждений, экспертиз и прочего). Незаметность этого прогрессирующего отупения не отменяет его воздействия на общество. Именно так, почти незаметно для самих себя, и гибнут цивилизации. Конечно, если внутри них не возникает эффективного противодействия. Противодействие возникает. Оно не может не возникать. Никакое общество нельзя низвести целиком до фарша. Всегда остаются группы (или отдельные особи), которые хотят понять, что именно происходит. Судьба этих групп и судьба нашей цивилизации суть синонимы» [16, с. 40–41]. Поэтому даже политологи, изучающие феномен власти и в силу этого максимально приближенные к ней, рассматривают в качестве основы для выполнения властных функций истинные, исчерпывающие,

а не редуцированные знания: «Чтобы достойно властвовать, надо обладать истинными знаниями, постоянно их накапливать, глубоко обдумывать, эффективно использовать в анализе, синтезе, прогнозе. В противном случае придется творить произвол, хитрить, бесчинствовать, быть деспотом и узурпатором» [17, с. 189].

В целом же для мирового научного сообщества грех редукционизма в решении сложных социальных проблем свойственен в меньшей степени, нежели для мировой управленческой элиты. В отличие от представителей последней ученые твердо убеждены в могуществе науки и научно-технического рационализма: «Беспощадно и зло отсекая потуги на всезнание, всевидение и всемогущество, наука вводит разум в жесткие рамки возможного, вероятного и достижимого. Это происходит в большом и малом. ...Мир становится все более нетерпимым к восторгам и экстазам воинствующего невежества, и в этом, в растущей строгости мира, “повинна” прежде всего наука. Проводя исследования, формулируя законы существования и направленного изменения окружающей нас действительности, наука задает человеческим действиям исходную определенность. И всякий нарушитель ее законов оказывается в незавидном положении человека, который пытается говорить без грамматики и считать без таблицы умножения» [18, с. 192].

Именно накопленное научное знание о существующих социальных проблемах и рисках позволяет ученым глубоко проанализировать и осознать связанные с ними опасности. В свою очередь, по мнению У. Бека, «осознанные опасности, по-видимому, разрушают автоматизм принятия общественных решений за плотно закрытыми дверями. То, что втайне от общественности обсуждалось и принималось менеджерами и учеными, должно теперь получать свое оправдание с учетом последствий в острых публичных дискуссиях. Там, где конкретные законы развития раньше вступали в силу как бы сами по себе, теперь появляются ответственные лица, которые под давлением общественности могут признать свои ошибки и назвать упущенные альтернативы. Подводя итог сказанному, можно утверждать, что создающая опасности технократия невольно производит противоядие от собственных, пущенных на самотек дел: опасности, которые вопреки утверждениям ответственных лиц, что у них все под контролем, осознаются общественностью, открывают простор для политического действия» [2, с. 80–81].

Междисциплинарные области научных исследований и их роль в решении проблем, связанных с социальными рисками

В свое время американский футуролог А. Тофлер констатировал следующую ситуацию: «Вертикальные иерархии бюрократии разбиваются при

столкновении с новыми технологиями, новыми знаниями и общественными переменами. То же происходит и с территориальными иерархиями,

которые до сих пор делят людей по профессиональным качествам. Старые связи между специальностями рушатся. Человек обнаруживает, что решение новых задач находится за пределами узких дисциплин» [19, с. 111]. Проведенное ранее исследование по данному вопросу позволило сделать вывод, что «решение предельных проблем различных отраслей знаний, связанных с изучением рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества, требует обязательного использования междисциплинарных подходов, которые сформировались в рамках таких комплексных научных дисциплин, как синергетика, системология, общий социальный анализ, науковедение и др.» [1, с. 28]. Тема данной статьи требует расширить приведенный выше перечень междисциплинарных областей научных исследований с учетом классификации основных родов объектов исследования, представленной в книге А. Г. Теслинова «Концептуальное проектирование сложных решений» [20].

В частности, автор предполагает, что «основными родами объектов исследования выступают:

- материальный мир, мир “вещей”, который мы можем наблюдать;
- мир идей – абстракции, образы, представления и все прочее, что способно порождать наше сознание. Психический мир этот постигается лишь посредством выражения его различными средствами;
- социальный мир – бездна отношений, выстраиваемых людьми в коллективном бытии, постигаемых не столько наблюдением, сколько непосредственным проживанием;

• мир знаков как свидетельств первых трех миров, независимо от того, вещи они или что другое. Как писал Августин Блаженный: “Знак есть вещь, которая не только сообщает свой вид чувствам, но еще и вводит с собою что-нибудь в мышление”. Это все то, что указывает нам на исследуемую реальность. Эти различия полезно знать хотя бы для того, чтобы, приступая к концептодеятельности, быть готовым к особым способам работы с разными “отрезками” реальности, с разными мирами данностей» [20, с. 30–31].

Если соотнести уже существующие дисциплинарные классификации с выделяемыми А. Г. Теслиновым четырем мирам, то достаточно очевидным будет то, что материальный мир изучается естественными и техническими науками, мир идей – точными и гуманитарными, социальный мир – социальными, а мир знаков – различными направлениями такой междисциплинарной науки, как семиотика. Причем если среди естественных наук к числу междисциплинарных областей исследований следует в первую очередь отнести такие, как естествознание, науки о хаосе и нелинейных системах, синергетику, экологию и др., среди точных и гуманитарных наук – философию, системологию, топологию, культурологию, науковедение и др., среди социальных наук – социологию, общий социальный анализ и социологию социобиотехнических систем, то среди семиотических направлений наибольшей комплексностью характеризуются общая семиотика, киберсемиотика, лингвосемиотика, семиотика риска и социальная семиотика.

Место семиотики риска в системе наук о рисках

В последние годы среди исследователей, изучающих различные рискогенные явления (кризисы, опасности, вызовы, угрозы, дисбалансы, риски, ловушки, ошибки и др.), особый интерес вызывают способы символического представления этих рискогенных явлений в виде **международных знаков опасности** (эти знаки могут иметь значения «высокое напряжение», «купаться запрещено», «непитьевая вода», «радиация» и др. [21, с. 382]); **симптомов глобального кризиса** («формы дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре» [22, с. 8]); **апокалиптических (религиозных) символов** (бифуркации, переходные процессы к иным режимам бытия, догмы этики и моральные заповеди, выраженные в Апокалипсисе на языке символов [23, с. 130–131]); **логических символов (графем) правовой аналитики аварий, катастроф, опасностей, рисков, угроз** (см., например, [24, с. 27–33]) и иных семиотических средств.

По справедливому замечанию В. В. Кима, «все, с чем имеет дело человек во всех сферах своей деятельности, так или иначе им обозначено и представлено, – в одних случаях в разнообразных

образах, в других – в понятиях, но в любом случае все это осуществляется в знаковых структурах. В этих семиотических средствах представляется мир, через их посредство понятия и образы фиксируют единство, целостность и разнообразие предметного мира, в котором осуществляется человеческая деятельность. Следовательно, все, что доступно человеческому мышлению, что отражается в нем, непременно образует семиотическое поле мышления» [25, с. 384].

Иными словами, разнообразные знаки и символы позволяют обозначить и разграничить в нашем мышлении миллионы существующих предметов, процессов, явлений, а также их качеств, характеристик, свойств и иных атрибутов, делая тем самым возможным само мышление. Совокупность этих знаков и символов образует особый вид реальности – **мир знаков и символов**, который обозначается в специальной семиотической литературе посредством термина «знаковая реальность», имеющего следующую дефиницию: «**Знаковая реальность** – это исторически возникающая благодаря деятельности людей и объективно существующая

совокупность знаков и знаковых систем, представляющая собой материальные формы выражения и закрепления систем идей (понятий, знаний) и средство приобретения, хранения и передачи этих идей в человеческих коллективах» [25, с. 52].

О том, насколько значимым для развития человеческого мышления и социального познания является мир знаков и символов, свидетельствует следующая мысль В. М. Ивинса: «Наука и технология продвигались вперед прямо пропорционально развитию способности человека изобретать методы, с помощью которых феномены, известные только благодаря осязанию, слуху, вкусу и обонянию, были помещены в серию визуальных узнаваний и измерений и стали объектом логической символизации, без которых невозможны рациональная мысль и анализ» (цит. по: [26, с. 107]). Чем сложнее становятся наука и научное познание, тем больше требуется для их нормального функционирования различных специально созданных знаков и знаковых систем (групп знаков, таких, например, как цифры и алфавит). Соответственно, растет и количество искусственных семиотик, изучающих эти специально созданные знаки и знаковые системы. Причем процесс создания таких искусственных семиотик всегда носил достаточно стихийный характер.

По свидетельству Н. Б. Мечковской, «стихия в мире искусственных семиотик проявляется не только в далекой истории древнейших символов, но и в сегодняшней наблюдаемой жизни искусственных знаковых систем. Функционирование в современном мире тысяч (!) искусственных семиотик отнюдь не до конца поддается целенаправленному регулированию и упорядочению. Чем шире применяются искусственные языки, в том числе такие сугубо специальные, как языки программирования, тем больше в их жизни обнаруживается незапланированных стихийных (самопроизвольных) процессов, связанных с “человеческим фактором”. Например, в языках программирования возникают “диалекты”, развивается вариантность записей, синонимия и омонимия и даже свои средства экспрессии (не говоря об эмоциональных «разрядках» в текстах программ и сообщений). Сама многочисленность искусственных языков напоминает скорее последствия стихии, чем плановой работы...» [21, с. 380–381].

Например, еще «в середине прошлого века ученые испытывали эйфорию от побед на физико-математическом фронте, в которых значительная роль принадлежала быстро развивавшейся математической логике. Последняя казалась многим универсальным ключом для открывания всех еще запертых дверей на пути познания. Увы, универсальных ключей не существует. И задачи разветвленной семиотики – помогать в поиске ключей самых разнообразных конфигураций» [27, с. 165].

Именно этим обусловлено появление все новых и новых «ответвлений» семиотики (ср.: «В конце XX – начале XXI в. наблюдается дальнейшее развитие семиотики, появляются новые направления: политическая семиотика, социальная семиотика, когнитивная семиотика, визуальная семиотика, организационная семиотика, киберсемиотика и др.» [28, с. 404]).

Свое место в существующей системе наук о рисках (сегодня к их числу относятся «кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдиника, хоррорология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография» [29, с. 44]) должно занять и такое новейшее научное направление, как семиотика риска. Во всяком случае, без его помощи подобрать знаковые «ключи необходимой конфигурации», способствующие трансферу знаний между перечисленными выше науками о рисках, вряд ли получится. А без налаживания широкого трансфера знаний между различными областями социальной деятельности нельзя будет обеспечить «процесс интеграции человечества в единый коллективный сверхразум, способный в короткие сроки решить множество кажущихся сейчас неразрешимыми проблем. Такая интеграция, однако, не будет ограничивать индивидуальность и свободу каждого отдельно взятого человека, но, напротив, сможет способствовать максимальному творческому развитию и раскрытию безграничного потенциала. В этом заключается адекватный ответ мыслящего человечества на вызовы, кризисы, риски и угрозы современности» [30, с. 10–11].

Для осуществления вышеуказанной интеграции человечества в единый коллективный сверхразум более всего подходит, по мнению Г. Л. Тульчинского, семиотика, которая «обладает колоссальным потенциалом интеграции мультидисциплинарного анализа. Прежде всего речь идет о процессах смыслообразования и осмысления, учете как их социально-культурных контекстов, так и роли личности как источнике, средстве и результате динамики смысловых структур и культурного опыта. <...> Такие возможности заложены как в традиционных концепциях семиотического “мейнстрима”, так и в концепциях, выводящих семиотику в более широкий и глубокий контекст. Экстракция содержания обозначенного круга идей позволяет систематически представить структуру смыслового содержания социального опыта, как включающего в себя материальную форму знака, предметное и функциональное социальное значение, а также личностный смысл (эмоционально-оценочное отношение и переживание). Речь идет не просто о компонентах смыслового содержания социального опыта, а о системе их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Переход от материальной формы знака к предметному и функциональному социальному значению и далее к личностному смыслу, вплоть до переживания

ния, демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию, распределечивание, понимание» [31, с. 115].

Семиотика риска среди других искусственных семиотик

Ускорить формирование семиотики риска можно путем изучения уже существующих искусственных семиотик разных типов и максимального использования накопленного в рамках данных научных направлений знания о знаках и знаковых системах, применяемых в процессах изучения разнообразных рисковенных явлений. Например, какую пользу для семиотики риска, казалось бы, может оказать знание о религиозных символах и идеях, накопленное религиоведением и социологией религии? Однако террористический акт, осуществленный против зданий Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, дает, по мнению Дж. Сакса, однозначный ответ на подобный риторический вопрос: «Трагедия 11 сентября ужасает своим символизмом. Две иконы глобального капитализма – авиалайнер и небоскреб – были превращены в орудия уничтожения. <...> Методы террористов были чрезвычайно современны, но их религиозные идеи – тысячелетней давности. <...> Внезапно религия предстала миру не столько тающим ледником, сколько пожаром, вырвавшимся из-под контроля» [31, с. 23].

Еще большее значение для создания семиотики риска могут иметь знания рискового характера, аккумулируемые в рамках формирующейся на наших глазах социальной семиотики, поскольку, во-первых, данное направление семиотики изучает наиболее сложную из существующих в настоящее

время естественных систем (человеческое общество со всеми характерными для него социальными рисками), во-вторых, в качестве центрального понятия социальной семиотики выступает мультимодальность, представляющая собой определенный вызов для мира семиотики в целом. По свидетельству Г. Кресса, «мир семиотики, который мы все еще воспринимаем нормальным, изменяется очень быстро. “Язык”, со всей уверенностью считающийся на “Западе” гарантом того, что определенно является человеческим, рациональным, необходимым для рефлексии, способным выразить любой аспект человеческого существования, оспаривается в этой занимавшейся им до сих пор центральной позиции другими средствами конструирования смыслов. Соответствующий вызов известен под именем мультимодальности, и он будет иметь далеко идущие последствия для эпистемологии и онтологии в целом, а с ними и для всех аспектов культуры. <...> *Мульти-* в слове *мультимодальность* предполагает, что существует целый ряд модусов, общедоступных для воспроизводства всеми членами общества. Многие (хотя и не все) модусы встречаются в широком диапазоне сообщений: таковы, например, *письменность, жесты, изображения*. С другой стороны, *устная речь* является модусом, недоступным для членов сообщества людей “с нарушениями речи”...» [32, с. 77, 84].

Выводы

Проведенное исследование процесса накопления социальных знаний о таких феноменах, как природные, технологические и социальные риски и иные рисковенные явления, а также формы символического представления этих знаний при помощи многочисленных знаков и знаковых систем, позволяет сделать ряд выводов:

1. Обобщив накопленный человечеством опыт преодоления последствий природных, техногенных и социальных катастроф, экономических и политических кризисов, современная система семиотических

исследований должна институционально обогатиться за счет формирования двух новейших направлений – семиотики риска и социальной семиотики.

2. В сложившейся иерархии искусственных семиотик социальная семиотика должна занимать доминирующее положение из-за постоянно растущего катастрофизма изучаемых ею социальных рисков.

3. Укреплению позиций социальной семиотики в системе существующих направлений семиотических исследований будет способствовать ее взаимосвязанное развитие с семиотикой риска.

Библиографические ссылки

1. Щербин ВК. Постановка предельных проблем в различных отраслях знаний как показатель растущей строгости жизненного мира личности и общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;1:19–35.
2. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. Григорьев А, Седелник В, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2001. 301 с.
3. Яницкий ОН. Четвертая научно-технологическая революция и глубинные изменения процессов глобализации. *Вестник Института социологии*. 2017;8(2):12–34. DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.452.

4. Гигеренцер Г. *Понимать риски. Как выбирать правильный путь*. Кузин А, переводчик. Москва: КоЛибри; 2015. 352 с. Совместно с издательством «Азбука-Аттикус».
5. Харари ЮН. *Sapiens. Краткая история человечества*. Сумм Л, переводчик. Москва: Синдбад; 2018. 512 с.
6. Оноприенко В.И. *Аспирантура. Тернии и риски становления исследователя*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2016. 121 с.
7. Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? *Логос*. 2007;4:64–69.
8. Эпштейн М. *Знак пробела: о будущем гуманитарных наук*. Москва: Новое литературное обозрение; 2004. 864 с.
9. Стёпин В.С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков. В: Белкина ГЛ, Фролова МИ, редакторы. *Проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек?* Москва: URSS; 2016. с. 26–41. Совместно с издательством «Ленанд».
10. Лавджой А. *Великая цепь бытия: история идеи*. Софронов-Антониони, переводчик. В. Москва: Дом интеллектуальной книги; 2001. 376 с.
11. Карабутенко И, переводчик. «Я принадлежу человечеству как художник» (из дневника А. Довженко). *Правда*. 1989, 11 сентября. с. 4.
12. Добролюбов АИ. *Государственная власть как техническая система: о трех великих социальных изобретениях человечества*. Минск: Наука и техника; 1995. 239 с.
13. Бехманн Г, Горохов ВГ. Социально-философские и методологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе. (Дебаты о технологических рисках в современной западной литературе). *Вопросы философии*. 2012;8:127–136.
14. Толпыгина ОА. Интерпретация рисков и угроз в партийной идеологии (на примере российских парламентских партий). *Политическая наука*. 2016;3:118–136.
15. Перкинс Дж. Новое о мире экономических убийц. В: Хайат С, редактор. *Игры экономических убийц*. Москва: Претекст; 2007. с. 13–32.
16. Кургинян СЕ. *Слабость силы. Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания*. 2-е издание. Москва: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр»; 2007. 392 с.
17. Халипов ВФ. *Кратология как система наук о власти*. Москва: Республика; 1999. 303 с.
18. Петров МК. *Самосознание и научное творчество*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета; 1992. 272 с.
19. Тоффлер А. *Футурошок*. Санкт-Петербург: Лань; 1997. 461 с.
20. Теслинов АГ. *Концептуальное проектирование сложных решений*. Санкт-Петербург: Питер; 2009. 288 с.
21. Мечковская НБ. *Семиотика. Язык. Природа. Культура*. Москва: Академия; 2004. 428 с.
22. Штомпка П. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*. 2001;1:6–16.
23. Скурлягин АА. Апокалипсис в философском и естественнонаучном контексте. В: Гусаков ВГ, редактор. *Национальная философия в глобальном мире. Тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2017. с. 130–131.
24. Исаков ВБ. *Словарь правовой аналитической графики*. Москва: Норма; 2019. 272 с. Совместно с издательским домом «ИНФРА-М».
25. Ким ВВ. *Семиотика и научное познание: философско-методологический анализ*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2008. 416 с.
26. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе. *Логос*. 2017;27(2):95–156.
27. Соломоник А. *Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности)*. Крейдлин Г, редактор. Минск: МЕТ; 2004. 191 с.
28. Гаврилова МВ. Социальная семиотика: опыт систематизации терминологической системы. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. 2018;8:404–417.
29. Щербин ВК. Кто изучает кризисы и риски? Научные ресурсы мировой риск-аналитики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:35–47.
30. Ицков ДИ. Общественное движение «Россия 2045» и глобальное будущее. В: Дубровский ДИ, Климова СМ, редакторы. *Глобальное будущее – 2045. Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. Материалы Первой Всероссийской конференции; 11–12 апреля 2013 г.; Белгород, Россия*. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2014. с. 8–14.
31. Тульчинский ГЛ. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики». *Вопросы философии*. 2019;11:115–125.
32. Сакс Дж. *Достоинство различия. Как избежать столкновения цивилизаций*. Дынин Б, переводчик. Москва: Мосты культуры; 2008. 329 с. Совместно с издательством «Гешарим» (Иерусалим).
33. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности. *Политическая наука*. 2016;3:77–100.

References

1. Shcherbin VK. Creation of marginal problems in various knowledge branches as an indicator of growing austerity of lifeworld of personality and society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;1:19–35. Russian.
2. Beck U. *Was ist globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung*. Berlin: Suhrkamp; 1997. 269 S. Russian edition: Beck U. *Что такое globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu*. Grigoryev A, Sedelnik V, translators. Moscow: Progress-Traditsiya; 2001. 301 p.
3. Janitskii ON. The fourth technological revolution and deep shifts in globalization processes. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2017;8(2):12–34. Russian. DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.452.
4. Gigerenzer G. *Risk Savvy. How to make good decisions*. New York: Penguin Books; 2014. 336 p. Russian edition: Gigerenzer G. *Ponimat' riski. Kak vybirat' pravil'nyi put'*. Kuzin A, translator. Moscow: KoLibri; 2015. 352 p. Co-published by the «Azбука-Attikus».

5. Harari YuN. *Sapiens. A brief history of mankind*. [S. l.]: Harper; 2015. 464 p.
Russian edition: Harari YuN. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva*. Summ L, translator. Moscow: Sindbad; 2018. 512 p.
6. Onoprienko VI. *Aspirantura. Ternii i riski stanovleniya issledovatelya* [The postgraduate study. Thorns and risks of researcher's formation]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2016. 121 p. Russian.
7. Rullani, E. [The Cognitive Capitalism: déjà vu?]. *Logos*. 2007;4:64–69. Russian.
8. Epstein M. *Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk* [Space character: on the future of humanities]. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie; 2004. 864 p. Russian.
9. Stepin VS. [The Transhumanism and Problem of Social Risks]. In: Belkina GL, Frolova MI, editors. *Problema sotsial'nykh riskov. Redutsionizm kak soblazn nauk o cheloveke. Ob idolakh i idealakh biotekhnologicheskogo samoizobreteniya cheloveka. Kak vozmozhnen sovershenyy chelovek?* [The Problem of Social Risks. Reductionism As the Temptation of Sciences on Man. About Idols and Ideals of the Biotechnological Self-Invention of Man. How should Be Possible a Perfect Man?]. Moscow: URSS; 2016. p. 26–41. Co-published by the «Lenand». Russian.
10. Lovejoy A. *The great chain of being. A study of the history of an idea*. [S. l.]: Harvard University Press; 1976. 400 p.
Russian edition: Lovejoy A. *Velikaya tsep' bytiya: istoriya idei*. Sofronova-Antomoni V, translator. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; 2001. 376 p.
11. Karabutenko I, translator [«I am a part of humankind as an artist» (from the Diary of A. Dovzhenko)]. *Pravda*. 1989 September 11. p. 4. Russian.
12. Dobrolubov AI. *Gosudarstvennaya vlast' kak tekhnicheskaya sistema: o trekh velikikh sotsial'nykh izobreteniyakh chelovechestva* [The state power as a technical system: on the three great social inventions of mankind]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1995. 240 p. Russian.
13. Bechmann G, Gorohov VG. [The social-philosophical and methodological problems of treatment to technological risks in the modern society]. *Voprosy filosofii*. 2012;8:127–136. Russian.
14. Tolpygina, OA. Interpretation of the risks and threats in the party ideology. (The example of Russian parliamentary parties). *Politicheskaya nauka*; 2016;3:118–136. Russian.
15. Perkins J. [New about world of an economic hit men]. In: Hiatt S, editor. *Igry ekonomicheskikh ubiits* [A game as old as empire]. Moscow: Pretekst; 2007. p. 13–32. Russian.
16. Kurginyan SE. *Slabost' sily. Analitika zakrytykh elitnykh igr i ee conceptual'nye osnovaniya* [The Weakness of Force. The analytics of closed elite games and its conceptual foundations]. 2nd edition. Moscow: Mezhdunarodnyi obshchestvennyi fond «Eksperimental'nyi tvorcheskii tsentr»; 2007. 392 p. Russian.
17. Halipov VF. *Kratologiya kak sistema nauk o vlasti* [The cratology as a system of sciences about power]. Moscow: Respublika; 1999. 303 p. Russian.
18. Petrov MK. *Samosoznanie i nauchnoye tvorchestvo* [Self-consciousness and scientific creation]. Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov University; 1992. 272 p. Russian.
19. Toffler A. *Future shock*. New York: Random House; 1970. 505 p.
Russian edition: Toffler A. *Futuroshok*. Saint Petersburg: Lan'; 1997. 464 p.
20. Teslinov AG. *Kontseptualnoye proektirovaniye slozhnykh resheniy* [The conceptual projecting of complicated decisions]. Saint Petersburg: Piter; 2009. 288 p. Russian.
21. Mechkovskaya NB. *Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura* [The semiotics. Language. Nature. Cultura]. Moscow: Akademiya; 2004. 428 p. Russian.
22. Sztompka P. [The social change as trauma]. *Sotsial'nye issledovaniya*. 2001;1:6–16. Russian.
23. Skurliagin AA. [The Apocalypse in philosophical and natural-scientific context]. In: Gusakov VG, editor. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire. Tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [The national philosophy in a global world. The abstracts of the First Belarusian Philosophical Congress]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. p. 130–131. Russian.
24. Isakov VB. *Slovar' pravovoi analiticheskoi grafiki* [The dictionary of law analytical graphics]. Moscow: Norma; 2019. Co-published by the INFRA-M. 272 p. Russian.
25. Kim VV. *Semiotika i nauchnoye poznanie: filosofsko-metodologicheskii analiz* [The semiotics and the scientific cognition: the philosophical-methodological analysis]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2008. 416 p. Russian.
26. Latour B. Visualization and cognition: drawing things together. *Logos*. 2017;27(2):95–156. Russian.
27. Solomonik A. *Pozitivnaya semiotika (o znakax, znakovykh sistemakh i semioticheskoi deyatel'nosti)* [The positive semiotics (about signs, systems of signs and semiotic activity)]. Krejdlin G, editor. Minsk: MET; 2004. 191 p. Russian.
28. Gavrilova MV. Social semiotics: the experience of the systematization of the terminological system. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. 2018;8:404–417. Russian.
29. Shcherbin VK. Who studies crises and risks? Scientific resources of the world risk analytics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:35–47. Russian.
30. Itskov DI. [The Public Movement «Russia 2045» and the Global Future]. In: Dubrovskii DI, Klimova SM, editors. *Global'noye budushchee – 2045. Antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty. Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii; 11–12 aprelya 2013 g.; Belgorod, Rossiya* [The global future 2045: the anthropological crisis. Convergence technologies. Transhumanist projects. Proceedings of the First All-Russian Conference; 2013 April 11–12; Belgorod, Russia]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya»; 2014. p. 8–14. Russian.
31. Tulchinskii GL. Extensions of the semiotic analysis capabilities: the sources and content of the «deep semiotics» concept. *Voprosy filosofii*. 2019;11:115–125. Russian.
32. Sacks J. *The dignity of difference. How to avoid the clash of civilizations*. [S. l.]: Continuum; 2003. 224 p.
Russian edition: Sacks J. *Dostoinstvo razlichiya. Kak izbezhat' stolkoveniya tsivilizatsii* Dynin B, translator. Moscow: Mosty kul'tury; 2008. 329 p. Co-published by the «Gesharim» (Jerusalem).
33. Kress G. Social semiotics and the challenge of multimodality. *Politicheskaya nauka*. 2016;3:77–100. Russian.